

Документ 125. ИИСУС В ИЕРУСАЛИМЕ

ЗА ВСЮ насыщенную событиями земную жизнь Иисуса не было ни одного более увлекательного и по-человечески более волнующего случая, чем это первое на его памяти посещение Иерусалима. Особенно воодушевляющим стало для Иисуса самостоятельное участие в храмовых диспутах, что надолго сохранилось в его воспоминаниях как важное событие позднего детства и ранней юности. Он впервые смог провести несколько дней предоставленным самому себе, испытать восторг от возможности уходить и приходить куда и когда вздумается. В этот короткий период вольного существования в течение недели после Пасхи он впервые в жизни был полностью свободен от каких-либо обязанностей. И только через много лет ему предоставился такой же период свободы от всякого чувства ответственности — хотя бы на короткое время.

Женщины редко отправлялись на празднование Пасхи в Иерусалим. Их присутствие не было обязательным. Однако Иисус фактически отказался идти без матери. И когда его мать решила присоединиться к ним, многие назаретские женщины пришли к такому же решению, вследствие чего в пасхальной группе оказалось наибольшее число женщин, когда-либо отправлявшихся на Пасху из Назарета. По дороге в Иерусалим они раз за разом распевали сто двадцать девятый Псалом.

На всём пути от Назарета до Елеонской горы радостное предчувствие не покидало Иисуса. В детстве он часто и с почтением слушал рассказы об Иерусалиме и его храме. Теперь же ему предстояло увидеть их в действительности. Внешний вид храма — с Елеонской горы и вблизи — отвечал его ожиданиям и даже превосходил их, но когда он впервые вошел в его священные врата, началось великое разочарование.

Вместе со своими родителями Иисус прошел через территорию храма, чтобы присоединиться к группе новых сынов закона, которым вскоре предстояло пройти обряд посвящения в граждане Израиля. Он был несколько разочарован поведением находившейся в храме толпы, однако первое сильное потрясение того дня случилось, когда его мать отделилась от них и направилась в галерею для женщин. Иисусу никогда не приходило в голову, что его мать не имеет права сопровождать его на церемонию посвящения, и он искренне негодовал из-за того, что она стала жертвой столь несправедливой дискриминации. Хотя это глубоко возмутило его, он смолчал, если не считать нескольких слов протеста, сказанных отцу. Однако он задумался, и задумался глубоко — как показали его вопросы, заданные книжникам и учителям неделю спустя.

Иисус прошел ритуал посвящения, но был разочарован его поверхностным и рутинным характером. Иисусу не хватало атмосферы личной заинтересованности, столь характерной для обрядов в назаретской синагоге. Затем он вернулся, чтобы поприветствовать свою мать и приготовился вместе с отцом совершить первый

осмотр храма — его различных дворов, галерей и коридоров. Территория храма могла одновременно вместить свыше двухсот тысяч богомольцев, и хотя громадность этого здания по сравнению со всем виденным прежде поразила его воображение, еще больше он был озадачен размышлениями о духовном значении храмовых ритуалов и связанного с ними богослужения.

Хотя многие храмовые церемонии глубоко тронули Иисуса, чувствительного к красоте и символике, объяснения действительного смысла этих обрядов, предлагаемые его родителями в ответ на его многочисленные и пытливые расспросы, приносили ему одни разочарования. Иисус ни за что не хотел принимать объяснений поклонения и религиозного рвения, подразумевавших веру в гнев Божий или ярость Всемогущего. В ходе дальнейшего обсуждения этих вопросов, когда отец стал мягко настаивать на том, чтобы Иисус признал ортодоксальные еврейские догмы, он внезапно повернулся к своим родителям и, глядя с мольбой отцу в глаза, сказал: «Отец мой, это не может быть правдой — Отец небесный не может так относиться к своим заблудшим земным детям. Небесный Отец не может любить своих детей меньше, чем ты любишь меня. И я хорошо знаю, что сколь бы неблагоразумными ни были мои поступки, ты никогда не излил бы на меня свой гнев и не дал бы выхода своему раздражению. Если ты, мой земной отец, по-человечески столь напоминаешь Божественного, насколько же больше должен быть исполнен добродетели и преисполнен милосердия небесный Отец. Я отказываюсь поверить в то, что мой небесный Отец любит меня меньше, чем мой земной отец».

Услышав эти слова своего первенца, Иосиф и Мария смолкли. И никогда впредь не пытались они изменить его представления о любви Бога и милосердии небесного Отца.

1. ИИСУС ОСМАТРИВАЕТ ХРАМ

Куда бы ни попадал Иисус, проходя через дворы храма, везде он ощущал поразивший его и вызывавший отвращение дух непочтительности. Он считал, что поведение находившихся в храме толп было несовместимым с присутствием в «доме его Отца». Однако величайшим потрясением его молодой жизни стало посещение двора язычников, куда он попал в сопровождении отца и где крикливый говор, шум и ругань сливались с блеянием овец и невнятным шумом, выдававшим присутствие мянел, а также торговцев закланными животными и всевозможными другими товарами.

Но больше всего его чувство приличия было возмущено видом фривольных куртизанок, разгуливавших по территории храма — таких же нагримированных женщин, каких лишь недавно он видел при посещении Сепфориса. Эта профанация

храма всколыхнула всё его юношеское негодование, и он тут же излил свое возмущение Иосифу.

Иисус восхищался настроением и богослужением в храме, но он был потрясен духовным убожеством, написанным на лицах столь многих бездумных верующих.

Они перешли во двор священников, который располагался под скальным выступом, находившимся перед храмом. Здесь стоял жертвенник, и они увидели, как священники-резники целыми гуртами забивали животных, смывая кровь со своих рук в бронзовом фонтане. Запятнанный кровью пол, окровавленные руки священников и крики умирающих животных, — всё это было больше того, что мог вынести любящий природу юноша. Увидев это жуткое и отвратительное зрелище, назаретский мальчик схватил своего отца за руку и взмолился, чтобы его увели

прочь. Они прошли через двор язычников, где даже грубый смех и богохульные шутки были облегчением после только что увиденного.

Иосиф заметил, какое отвращение вызвало у его сына зрелище храмовых ритуалов, и благоразумно решил показать ему «красные ворота» — мастерски выполненные ворота из коринфской бронзы. Однако Иисусу уже хватило впечатлений для первого посещения храма. Они вернулись на верхний двор, чтобы забрать Марию, и в течение часа гуляли на свежем воздухе, вдали от толпы, осматривая дворец Хасмонеев, величественный дворец Ирода и башню римских стражников. Во время этой прогулки Иосиф объяснил Иисусу, что только жители Иерусалима имеют право присутствовать при ежедневных жертвоприношениях в храме, и что галилеяне прибывают сюда для участия в храмовом богослужении только три раза в году: на Пасху, в праздник Пятидесятницы (через семь недель после Пасхи) и на праздник кущей в октябре. Эти празднования были введены Моисеем. Затем они обсудили два праздника, учрежденных в более позднее время — праздник обновления и Пурим. После этого они отправились к себе и приготовились к празднованию Пасхи.

2. ИИСУС И ПАСХА

Пять назаретских семей получили приглашение отпраздновать Пасху вместе с семьей Симона из Вифании, который купил для всей компании пасхального ягненка. Именно массовое заклание этих ягнят оказало столь сильное воздействие на Иисуса во время посещения храма. Первоначально они собирались разделить пасхальную трапезу с родственниками Марии, но Иисус уговорил своих родителей принять приглашение посетить Вифанию.

В тот вечер, собравшись для исполнения пасхальных ритуалов, они ели жареное мясо с пресным хлебом и горькими приправами. Так как Иисус являлся новым

сыном завета, его попросили рассказать о происхождении Пасхи, с чем он хорошо справился. Однако он немного смутил своих родителей, поскольку вставил в свой рассказ несколько замечаний, которые в мягкой форме отражали впечатления от недавно увиденного и слышанного, оставшегося в сознании этого молодого, но вдумчивого галилеянина. Это было началом семидневных церемоний празднования Пасхи.

Уже тогда Иисус стал задумываться о возможности празднования Пасхи без закланного ягненка, хотя он ничего не говорил об этом своим родителям. В глубине души он был уверен в том, что зрелище жертвоприношений неуютно небесному Отцу, и с течением лет он всё больше укреплялся в решении ввести когда-нибудь бескровную Пасху.

В ту ночь Иисус почти не спал, измученный кошмарными сновидениями убийств и страданий. Противоречия и нелепости теологии, присущие всей системе еврейских ритуалов, приводили в смятение его сознание и разрывали его сердце. Не спалось и его родителям. События минувшего дня чрезвычайно смутили их. Их души были глубоко опечалены отношением мальчика, казавшимся странным и непреклонным. В начале ночи Мария пришла в состояние нервного возбуждения, однако Иосиф сохранял спокойствие, хотя и он был не менее озадачен. Оба они боялись откровенно говорить об этих проблемах с мальчиком, хотя Иисус с радостью поговорил бы со своими родителями, если бы они решились помочь ему начать такой разговор.

Богослужения, проходившие в храме на следующий день, были более приемлемы для Иисуса и во многом смягчили неприятные впечатления от первого дня. На другой день утром Иисус перешел на попечение молодого Лазаря, вместе с

которым он приступил к планомерному изучению Иерусалима и его окрестностей. До конца дня Иисус побывал в различных местах на территории храма, где выступали учителя и отвечали на вопросы собравшихся. И за исключением нескольких посещений святого святых — подивиться на то, что же в действительности скрывалось за завесой, — большую часть своего времени он провел на этих диспутах.

В течение всей пасхальной недели Иисус оставался среди новых сынов закона, а это означало, что его место было за оградой, отделявшей всех тех, кто не являлся полноправным гражданином Израиля. Это заставляло его помнить о своей молодости и не задавать всех тех вопросов, которые не давали ему покоя. По крайней мере, он сохранял свою сдержанность до тех пор, пока не завершились празднования Пасхи и не были сняты ограничения с юношей, прошедших обряд посвящения.

В среду на пасхальной неделе Иисусу позволили отправиться вместе с Лазарем на ночь в Вифанию. В тот вечер Лазарь, Марфа и Мария слушали, как Иисус говорил о вещах бренных и вечных, человеческих и божественных, и с тех пор все трое полюбили его, как родного брата.

В последние дни недели Иисус реже встречался с Лазарем, который не обладал правом допуска даже во внешний круг на храмовых диспутах, хотя и побывал на некоторых публичных беседах, проведенных во внешних дворах. Лазарь был сверстником Иисуса, однако в Иерусалиме юношей редко допускали к посвящению в сыны закона, пока им не исполнялось тринадцать лет.

Раз за разом в течение пасхальной недели родители Иисуса находили его сидящим в одиночестве, обхватившим молодую голову руками и погруженным в глубокое раздумье. Они никогда не видели его таким, и не ведая, сколь смущено было его сознание и сколь потревожен его дух тем, что он переживал, пребывали в крайнем недоумении и не знали, что делать. Они радовались близкому окончанию пасхальной недели и мечтали благополучно вернуться со своим странным сыном в Назарет.

День за днем Иисус думал над своими проблемами. К концу недели многое стало ему яснее. Однако когда подошло время возвращаться в Назарет, его юношеское сознание все еще беспокоили многочисленные дилеммы, терзали многие вопросы и проблемы, не находившие ответов и решений.

Перед тем, как покинуть Иерусалим, Иосиф и Мария вместе с назаретским учителем их сына окончательно условились о том, чтобы по исполнению Иисусу пятнадцати лет он смог вернуться сюда и приступить к длительному курсу обучения в одной из самых известных академий раввинов. Иисус сопровождал своих родителей и учителя при посещении этого учебного заведения, но все они были обескуражены его, как казалось, полным безразличием к тому, что они говорили и делали. Реакции Иисуса на посещение Иерусалима причинили Марии острую боль, а Иосиф был крайне смущен странными замечаниями юноши и его необычным поведением.

Как бы то ни было, пасхальная неделя стала огромным событием в жизни Иисуса. Он получил возможность познакомиться с десятками мальчиков своего возраста, таких же, как он, кандидатов на посвящение, и он воспользовался этим общением для того, чтобы узнать о жизни людей в Месопотамии, Туркестане и Парфии, равно как и в западных римских провинциях. Он уже довольно хорошо знал условия, в которых росли молодые люди в Египте и соседних с Палестиной районах. В то время в Иерусалиме находились тысячи юношей, и назаретский подросток лично повстречался и более или менее основательно расспросил свыше ста пятидесяти из них. Особенно его интересовали те, кто прибыл из далеких восточных и западных стран. В результате этого общения у мальчика появилось

желание отправиться в путешествие по миру, чтобы узнать, каким трудом зарабатывают себе на жизнь различные группы его человеческих собратьев.

3. ИОСИФ И МАРИЯ ПОКИДАЮТ ИЕРУСАЛИМ

Назаретские паломники договорились собраться у храма к середине первой половины дня в первый день недели после празднования Пасхи. Так они и сделали и в условленное время вышли в обратный путь в Назарет. Пока родители ждали прибытия остальных паломников, Иисус отправился в храм, чтобы послушать дебаты. Вскоре все уже были в сборе, причем мужчины и женщины шли отдельными группами, как было принято при паломничествах в Иерусалим для участия в празднествах. Иисус прибыл в Иерусалим в обществе своей матери и других женщин. Теперь же, будучи юношей, прошедшим обряд посвящения, он должен был возвращаться в Назарет в обществе своего отца и других мужчин. Однако, когда назаретская группа отправилась в Вифанию, Иисус был настолько увлечен обсуждением ангелов в храме, что совершенно не заметил, как пропустил время, когда нужно было отправляться домой с родителями. И только во время полуденного перерыва в храмовых собраниях он понял, что отстал от остальных.

Назаретские паломники не хватились Иисуса, так как Мария считала, что он идет вместе с мужчинами, а Иосиф полагал, что он находится в группе женщин, ибо в Иерусалим он прибыл вместе с женщинами, ведя осла, на котором ехала Мария. Они обнаружили его отсутствие лишь после того, как добрались до Иерихона и приготовились остаться здесь на ночь. Расспросив последнего члена группы, достигшего Иерихона, и узнав, что никто не видел их сына, они провели бессонную ночь, вспоминая многие из его необычных реакций на события пасхальной недели, теряясь в догадках, что могло с ним случиться, и мягко укоряя друг друга за то, что не убедились в его присутствии в своей группе перед тем, как покинуть Иерусалим.

4. ПЕРВЫЕ ДВА ДНЯ В ХРАМЕ

Между тем Иисус оставался в храме в течение всей второй половины дня, слушая диспуты и радуясь более спокойной и благопристойной атмосфере, которая воцарилась после того, как схлынули огромные толпы пасхальных паломников. По окончании послеполуденных диспутов — ни в одном из которых Иисус не принимал участия — он отправился в Вифанию и прибыл туда как раз в то время, когда семья Симона собиралась приступить к вечерней трапезе. Трое подростков были счастливы видеть Иисуса, и он остался у Симона на ночь. В тот вечер он почти не общался с другими и большую часть времени провел в саду, размышляя в одиночестве.

Ранним утром следующего дня Иисус уже направлялся в храм. Он остановился на гребне Елеонской горы и заплакал над тем, что предстало его взору, — духовно убогим народом, скованным традицией и живущим под надзором римских

легионов. С утра он уже был в храме, готовый принять участие в диспутах. Между тем Иосиф и Мария также поднялись засветло с намерением вернуться в Иерусалим. Первым делом они поспешили в дом своих родственников, где располагались всей семьей в течение пасхальной недели, однако в результате их расспросов выяснилось, что никто не видел Иисуса. Тщетно проискав его весь день, они вернулись к родственникам на ночь.

На втором собрании Иисус, осмелев, начал задавать вопросы, и то, каким образом он принимал участие в храмовых дискуссиях, сохраняя тон, подобающий его юному возрасту, поразило присутствующих. Порой острые вопросы Иисуса несколько смущали образованных учителей еврейского закона, но его учтивость была столь искренней, а его жажда знаний столь явной, что большинство храмовых учителей отнеслись к нему со всем уважением. Но когда он позволил себе усомниться в справедливости казни пьяного язычника, который бродил за пределами отведенного для язычников двора и нечаянно попал на запретную и, как считалось, священную территорию храма, один из наиболее нетерпеливых учителей, почувствовав в словах Иисуса скрытую критику, не выдержал и с недовольным видом осведомился у юноши, сколько ему лет. Иисус ответил: «Тринадцать лет без четырех месяцев и нескольких дней». «В таком случае, — возразил, теперь уже в раздражении, учитель, — как ты можешь здесь находиться, не достигнув возраста сына закона?» И когда Иисус объяснил, что он прошел обряд посвящения во время Пасхи и является выпускником назаретских школ, то учителя в один голос насмешливо воскликнули: «Как же мы не догадались, что он из Назарета!» Однако, по убеждению ведущего диспут учителя, Иисус не был повинен в том, что начальники назаретской синагоги позволили ему закончить курс, хотя формально ему было только двенадцать, а не тринадцать лет; и несмотря на то, что некоторые из его хулителей встали и ушли, было решено, что юношу следует оставить в покое и что он может и дальше присутствовать в качестве ученика на храмовых диспутах.

Когда закончился этот день — его второй день в храме, — он снова отправился на ночь в Вифанию. И вновь он вышел в сад, чтобы предаться размышлениям и молитвам. Было видно, что он задумался над трудноразрешимыми проблемами.

5. ТРЕТИЙ ДЕНЬ В ХРАМЕ

Третий день, проведенный Иисусом с книжниками и учителями в храме, собрал толпу людей, прослышавших о галилейском юноше и пришедших поглазеть на мальчика, который ставит в тупик мудрецов, знатоков закона. Симон также пришел из Вифании, чтобы выяснить, что задумал Иисус. В течение всего этого дня Иосиф и Мария продолжали в тревоге искать своего сына и несколько раз даже приходили в храм, однако они ни разу не догадались проверить, не было ли его среди

участников дискуссионных групп, хотя в одном случае, окажись они ближе, они смогли бы услышать его мелодичный голос.

К концу дня всё внимание основной дискуссионной группы храма было приковано к вопросам Иисуса. Среди многих заданных им вопросов были следующие:

1. Что в действительности находится в святом святых, за завесой?
2. Почему матери Израиля должны находиться отдельно от молящихся в храме мужчин?
3. Если Бог является отцом, любящим своих детей, к чему всё это заклятие животных для снискания божественной милости — быть может, учение Моисея понято неправильно?
4. Если храм посвящен поклонению небесному Отцу, то можно ли позволять присутствовать здесь мирским менялам и торговцам?
5. Должен ли ожидаемый Мессия стать временным князем на троне Давида — или же он должен стать светом жизни при установлении духовного царства?

На протяжении всего дня слушающие дивились этим вопросам, и ни один человек не был поражен больше, чем Симон. Свыше четырех часов этот назаретский юноша засыпал еврейских учителей своими вопросами — вопросами, которые заставляли слушающих задуматься, прислушаться к голосу своего сердца. Он почти не комментировал замечания старших, излагая свое учение в форме вопросов. Искусно и тонко формулируя свои вопросы, он одновременно и спорил с их учением, и предлагал свое. В том, как он их задавал, было привлекающее сочетание мудрости и юмора, подкупавшее даже тех, кто в большей или меньшей степени возмущался его молодостью. Задавая свои острые вопросы, он всегда был предельно честным и тактичным. В тот знаменательный день в храме он проявил то же отвращение к неоправданному использованию своего преимущества перед оппонентами, которое отличало всё его последующее общественное служение. В юношеском, а позднее в зрелом возрасте он казался начисто лишенным всякого эгоистического желания выиграть спор только для того, чтобы испытать триумф своей логики над логикой товарищей, ибо превыше всего для него было только одно: провозглашение вечной истины и, таким образом, осуществление более полного раскрытия вечного Бога.

Когда день подошел к концу, Иисус и Симон отправились назад в Вифанию. Большую часть пути и мужчина, и мальчик хранили молчание. Иисус вновь задержался на гребне Елеонской горы, но на этот раз, смотря на город и его храм, он не заплакал, а только склонил голову в безмолвной молитве.

После вечерней трапезы в Вифании он вновь отказался присоединиться к общему веселью и вместо этого вышел в сад, где бродил до поздней ночи, тщетно пытаясь составить какой-нибудь определенный план, который позволил бы приступить к делу его жизни и решить, что следует предпринять для того, чтобы как можно лучше раскрыть своим духовно слепым соотечественникам более совершенное представление о небесном Отце и освободить их от ужасной кабалы закона, ритуалов, обрядов и косных традиций. Однако озарение не приходило к этому ищущему истину подростку.

6. ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ В ХРАМЕ

Было странным, что Иисус не думал о своих земных родителях; даже за завтраком, когда мать Лазаря заметила, что его родители, наверное, уже дома, Иисус, казалось, не понял, что они могут волноваться из-за того, что он отстал от остальных.

Он вновь отправился в храм, но на этот раз он не остановился, чтобы предаться размышлениям на гребне Елеонской горы. В течение утренних диспутов много внимания было уделено закону и пророкам, и учителя были потрясены тем, что Иисус так хорошо знает Писания — как на иврите, так и по-гречески. Однако их изумили не столько его знание истины, сколько молодость.

На послеполуденном собрании они едва приступили к ответу на его вопрос о смысле молитвы, как руководитель пригласил юношу выйти вперед. Усевшись подле Иисуса, он попросил его изложить собственные взгляды на молитву и поклонение.

Накануне вечером родители Иисуса услышали о необычном юноше, который столь искусно спорил с толкователями закона, но им не пришло в голову, что этим юношей был их сын. Они почти уже решили покинуть город и отправиться к Захарии, ибо предположили, что Иисус мог пойти туда, чтобы повидаться с Елисаветой и Иоанном. Полагая, что Захария может быть в храме, они задержались

здесь по пути в город Иудин. Представьте себе их удивление, когда, проходя через дворы храма, они узнали голос пропавшего мальчика и увидели его сидящим среди учителей храма.

Иосиф молчал, но Мария дала волю давно сдерживаемому страху и волнению и, подбежав к мальчику, вставшему, чтобы поприветствовать своих изумленных родителей, сказала: «Дитя мое, зачем ты так поступаешь с нами? Уже более трех дней, как твой отец и я ищем тебя, горюя. Что заставило тебя покинуть нас?» В воздухе повисло напряжение. Все смотрели на Иисуса, ожидая его ответа. Отец взглянул на него с осуждением, однако ничего не сказал.

Не следует забывать, что Иисус считался молодым человеком. Он закончил обычный для ребенка курс обучения, был признан сыном закона и прошел обряд посвящения в граждане Израиля. И тем не менее, его мать в исключительно мягкой форме упрекнула его перед всеми собравшимися людьми в самый разгар наиболее серьезного и возвышенного свершения его молодой жизни, бесславно оборвав одну из величайших когда-либо предоставленных ему возможностей проявить себя в качестве учителя истины, проповедника добродетели, раскрывающего любвеобильный характер его небесного Отца.

Однако мальчик оказался на высоте положения. Если вы по справедливости оцените все обстоятельства, из которых складывалась эта ситуация, то вы сможете лучше понять мудрость сказанного им в ответ на неумышленное порицание своей матери. Задумавшись на мгновение, Иисус ответил: «Зачем же вы так долго искали меня? Разве вы не ожидали найти меня здесь, в доме моего Отца, ибо настало время, когда я должен заняться делом моего Отца?»

Его манера говорить поразила всех присутствовавших. Они молча разошлись, оставив его наедине с родителями. Вскоре юноша преодолел смущение, охватившее всех троих, спокойно произнес: «Пойдемте, мои родители; каждый сделал то, что считал лучшим. Наш небесный Отец преопределил всё это; отправимся же домой».

В молчании они отправились в путь и к ночи прибыли в Иерихон. Только раз они остановились, и это произошло на гребне Елеонской горы, когда юноша поднял свой посох, и, дрожа от головы до пят от нахлынувшего чувства, произнес: «О, Иерусалим, Иерусалим, о, жители твои! Какие же вы рабы — вы, несущие римское ярмо и являющиеся жертвой собственных традиций! Но я вернусь, чтобы очистить этот храм и освободить мой народ от кабалы!».

В течение трех дней пути в Назарет Иисус был немногословен. В его присутствии родители тоже в основном молчали. Они действительно никак не могли понять поведение своего первенца. С другой стороны, в глубине души они высоко ценили его высказывания, хотя и не могли постигнуть всего их смысла.

Прибыв домой, Иисус обратился к родителям с кратким заявлением, заверив их в своей любви и дав понять, что им не придется когда-либо снова переживать из-за его поведения. Он завершил свое торжественное обращение словами: «Хотя я должен выполнять волю моего небесного Отца, я буду также послушен моему земному отцу. Я буду ждать своего часа».

Несмотря на то, что в глубине души Иисус неоднократно отказывался *согласиться* с благонамеренными, но ошибочными попытками своих родителей заставить его определенным образом думать или решать за него, в чём должна состоять его будущая деятельность на земле, тем не менее во всём, что не противоречило его преданному исполнению воли Отца, он с предельным смирением *подчинялся* желаниям своего земного отца и обычаям своей семьи во плоти. Даже тогда, когда

он не мог согласиться, он делал всё возможное, чтобы подчиниться. Он умел мастерски согласовывать преданность своему долгу с одной стороны и

необходимость исполнять свои обязательства перед семьей и общественным служением — с другой.

Иосиф был озадачен, однако Мария, размышляя о недавних событиях, утешилась и в итоге усмотрела в его словах, произнесенных на Елеонской горе, предсказание мессианского подвига своего сына как освободителя Израиля. С удвоенной энергией она принялась формировать его сознание в патриотическом и националистическом духе и заручилась поддержкой своего брата, любимого дяди Иисуса. Все свои силы мать Иисуса направила на подготовку своего первенца к роли вождя тех, кому будет суждено восстановить трон Давида и навсегда сбросить ярмо политического ига язычников.